

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

Современная африканская литература принадлежит к числу самых молодых и самых быстро развивающихся литератур «третьего мира». На открывающейся осенью этого года четвертой конференции писателей стран Азии и Африки в Дели литература «этого континента» будет представлена целой плеядой талантливых и прогрессивных поэтов и прозаиков.

Здесь мы публикуем произведения писателей Алжира, Нигерии, Ганы, Южной Африки, Мадагаскара. Африка наших дней — главная тема их творчества.

Мама моя

РАССКАЗ

БУРЕССАМ БЕЛЬКАСЕМ

Алжир

ЗАБЫТЬ.

Не думать больше. Не мыслить, не понимать. Быть только похожим на человека, без разума, без сознания, вялым бездейственным существом, студенистой бесформенной массой. Не быть больше никем, ничем, не иметь тела, стать просто тенью.

Забыть.

Больше не видеть, не слышать, не чувствовать, не знать. Быть глухим, слепым, немым. Вырвать из головы это нежное белое вещество; вещество, которое отравляет жизнь; вещество, которое хотелось бы растоптать, раздавить, раскромсать.

Бурессам Белькасем — современный алжирский писатель. Его рассказ «Мама моя», опубликованный в еженедельнике «Альжери актуалите», занял первое место на конкурсе журнала на лучший рассказ.

Забыть.

Стать просто деревом, просто камнем, просто куском вялой плоти, аморфным бесчувственным ко всему комком. Телом без души, душой без тела. Почувствовать себя опустошенным, свободным, ни от чего не зависящим. Уйти в себя. Забыться в слепую черноту бездны, туда, где чернее забвения. Лечь на землю и спать, спать до самого конца света. Ничего не знать, ничего не понимать. Чтоб вокруг был мрак, чтобы ничего не двигалось.

Забыть.

Уйти. Уйти из этого мира. Зайти далеко-далеко, туда, где ничего нет, где земля сходится с небом, где кончается бесконечность. Где вечный покой. Одиночество. Смерть.

Забыть.

Броситься в бездонную пропасть. Тысячи лет падать в нескончаемую пустоту. Чувствовать себя легким. Легким.

Хватит. Хватит этого нелепого мира, думать, жить среди всех этих уродств. Хватит этой жизни.

Забыть.

Забыть эту минуту. Минуту, которая не отступает от меня день и ночь. Минуту, которая преследует меня во сне. Минуту, которая прилипла к коже и грязнит все, чего я касаюсь. Минуту, которая помрачила даже свет солнца. Которая превратила мир в ад, а мою жизнь — в кошмар. Боже! Боже, как непосильна мне жизнь с того дня, когда...

Забыть это клеймо, впечатанное каленым железом в сердце. Клеймо, которое не свести ничем, даже временем. Это кровавое клеймо жжет глаза, разрывая тело, терзает душу. Забыть эту боль, вьющуюся мне в плоть. Мучительную, казнящую боль.

Забыть.

Забыть эту кровь. Забыть этот крик. Скорбь.

ный, горестный крик, доходящий до самого дна сердца. Судорожный, выворачивающий наизнанку крик. Забыть этот предсмертный хрип. Этот нечеловеческий хрип. Эту медленную агонию. Забыть эту смерть.

Зачем этот ужас? Зачем это убийство? Зачем эта ненужная смерть? Зачем эти слезы? Зачем эта боль?

ЗАБЫТЬ.

Я и сейчас слышу эту автоматную очередь. Злобную, прерывистую, смертоносную очередь. Очередь, отнявшую у меня душу, отнявшую у меня жизнь. Эти пули, породившие неопишущий ужас. Навсегда лишившие меня счастья.

Забыть.

Забыть это большое тело, которое клонится к земле, и падает, согнувшись вдвое. Громадное, рухнувшее в пыль тело. И эти руки, руки, которые машут в воздухе; руки, которые безуспешно пытаются ухватиться за жизнь, бороться с наступающей смертью. Они царапают собственную плоть, стараются выдернуть этот кровавый факел, пожирающий изнемогающие внутренности. Когда-то нежные и теплые. Теперь твердые и холодные. Эти руки, ледяные, как смерть, недвижно лежащие на пыльной дороге. Эти руки. Эти руки... И этот вызывающий, испуганный взгляд, он молит, он спрашивает, что же это такое. Этот погасший, тусклый взгляд, который вдруг оживает перед тем, как его потухший страшное пламя. Эти черные глаза. Они смотрят, ничего не видя. Бездонные глаза, всматривающиеся в опустевшее небо без солнца, без цвета, без облачка. Глаза, которые были для меня неиссякаемым источником радости; серые, стеклянные глаза, потухшие жемчужинки; глаза, уже не отражающие ничего, кроме скорби и слез, страданий и смерти. И потом этот рот. Он дрожит, дергается, трепещет, словно раненая птица. Рот, который открывается и закрывается, чтобы затем бросить в глухой мир свой последний крик. Страшный, искаженный судорогой, искривленный болью рот. Он зовет меня, ищет меня. ЭТОТ РОТ.

Забыть.

Этот крик. Он взлетает в небо, усиленный тысячей эхо, он заставляет дрогнуть от страха одиноких, затерявшихся в горах пастухов. Потом пугающее спокойствие. Безмерная тишина, покрывающая всю округу тяжелым пушистым покрывалом. Она гуще тумана, она коварно забирается в самое сердце. Тревожная тишина, которая давит на тебя нестерпимой тяжестью. Тишина.

ЗАБЫТЬ.

Женщина вытянулась на дороге; она еще шепчется; я смотрю на нее, оцепеневший, молча, не двигаясь. Неужели это моя мать? Не-ет! Не-ет!

Я не верю этому! Это неправда! Это слишком ужасно. Скажите мне, что это неправда! Что она сейчас встанет и обнимет меня. Она не умерла? Она не умерла? Она не может умереть. Это неправда. Ну скажите что-нибудь. Не стойте так, опустив руки. А?! Правда ведь, она не умерла? Она просто в обмороке. Она упала, сейчас встанет. Скажите, она очнется? ОНА ОЧНЕТСЯ. Ну скажите хоть слово, одно только слово. Скажите же.

Забыть.

Эти красные пятна венчиком на груди. Как лепестки мака. Красные капли сочатся одна за другой из этих страшных пятен. Кровь, растекающаяся по земле.

Забыть.

Эта тишина. Тишина, которая выразительней слов. Тягостная тишина медленно заполняет тело. Тишина смерти, она убивает еще раз; и потом этот дикий нечеловеческий крик, который вырывается из твоей груди. Пронзительный, ни на что не похожий вой, резкая боль, которая тупеет, переходя в плач и слезы. Мама моя. Мама моя.

Забыть.

Печальные, замкнутые лица. Пустые глаза, немые рты, жесткие, холодные фигуры. Они окружают меня, они тут, совсем близко. Я слышу, как они хрипло дышат, шеей, лицом чувствую теплоту их дыхания, но они представляются мне такими далекими и смешными со своей удручающей жалостью. Их неуклюжие движения кажутся мне уродливыми. Их утомленный вид я даже нахожу непристойным.

Боль не разделишь. Страдаешь всегда один. Они смотрят на меня и молчат. В сущности они правы: что они могли бы сказать? Даже если бы они сказали несколько слов, я их знаю заранее, эти слова, которые они произнесут. Смерть не объяснишь; что она с тобой делает, не расскажешь.

Чувствуешь себя одиноким, далеко от людей, далеко от всего. Стонешь, плачешь, ломаешь руки, а все эти внешние выражения боли кажутся ничтожными по сравнению с той бездной, которая внутри. Эта тишина. Молчат даже птицы. Только ветер так же стонет в ветках деревьев.

Забыть.

Руки повисли, дрожат, сердце рвется от боли, в глазах больше нет слез. Мама моя. Мама моя.

Забыть.

Куча тряпок и застывшее тело. Мамочка. Ласковая. Любимая. Нежная. Мамочка моя. Смертная. Самоотверженная. Маленькая моя мамочка.

Забыть.

Струйка красной крови. Струйка крови медленно течет из твоего раненого сердца. Падают и теряются в пыли слезы. Больно. Война, слепая, смертоносная.

Забыть.

Как бы я хотел теперь умереть. Зачем мне нужно теперь столько жизни, когда тебя больше здесь нет? Зачем теперь еще столько времени я буду на что-то надеяться, когда я так одинок? Не могу терпеть. Боль. Чернее мрака. Больно.

Почему судьба так жестока со мной? Зачем ей понадобилось, чтобы ты предстала перед черным оком смерти? Почему моя мать? Почему?

Кто теперь ответит мне на все эти вопросы? Кто станет рассказывать сказки, которые я так любил? Кто обнимет меня, как обнимала ты? Кто будет любить меня, как любила ты? Кто?

Полное одиночество посреди шумного мира. Тоска. Невыразимая тоска.

Забыть.

Сегодня утром ты, как всегда, встала на заре. С тяжелыми, заспанными глазами ты разожгла